

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Н.Н. Сосна

ПОЭТИКА ТИХОГО КОСМИЗМА

Сосна Нина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: philosjournal@iphras.ru

В статье анализируется один из моментов проекта витального материализма Джейн Беннет, а именно специфическое сочетание представлений об активной материи, производящей различные комбинации существ, в том числе человека, и возможности этой материи артикулировать себя в языке, в том числе в художественной форме. По необходимости кратко останавливаясь на таких существенных аспектах ее теории, как отсылающая к постулатам физики элементарных частиц онтология (столкновения частиц, резонанс, изоморфизм), аффективная этика (основанные на «позитивном» повторении случайных впечатлений частичные действия) и экология («учитивое» внимание по отношению к представителям других видов), автор предлагает усилить колеблющийся характер проекта Беннет и рассмотреть его экстремумы: космически-планетарный уровень теоретизирования, на котором даже симпатия рассматривается как «гравитационная» сила, и уровень языковой артикуляции, использующий различные формы непрямого высказывания, «среднего залога», которые одновременно предстают у Беннет формами художественного языка. Несмотря на то, что между этими уровнями можно усмотреть изоморфизм «слабого» «недраматизма», автор статьи приходит к выводу, что «физичность» солиарности и симпатии как космических проявлений неравновесна их записыванию в поэтическом языке в духе Уитмена или Торо (примеры многих книг Беннет). Эти две составляющие не удерживаются в состоянии баланса, хотя Беннет и пробует многократно использовать понятие интервала, фактически ответственного за сворачивание нарративов обоого типа. Иными словами, видно, что проект на деле смещается от рассмотрения материи к ее «неромантическому» именованию.

Ключевые слова: агентность, артикуляция, Беннет, космос, интервал, природа, не-только-человеческое, романтизм, солиарность, экология

Для цитирования: Сосна Н.Н. Поэтика тихого космизма // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 3. С. 70–83.

Произошедшее в мире за последние два с небольшим года изменило довольно многое, в том числе в горизонте философских размышлений. Представляется, что пост- и ингуманистические направления 2010-х гг., в том числе разрабатывавшиеся в рамках различных материализмов, также вошли теперь в зону турбулентности. Забота, которую было хорошим тоном проявлять по отношению к мельчайшим представителям флоры и фауны планеты,

действительно изрядно измененной промышленной деятельностью глобальных коллективов, и подозрение, с которым оценивали высокомерие антропоморфной позиции, ответственной за печальные последствия изменения условий существования всех видов, неожиданно оказались под воздействием по меньшей мере двух восстаний, последовавших одно за другим: мельчайшей материальности вирусов и «речей ненависти», выплеснувшихся в результате противостояния больших политических групп.

Эти последние обстоятельства проблематизировали как некоторые основания недавно выдвинутых материалистических теорий, так и способы их артикуляции, способствуя выявлению новых тенденций в гуманитарном поле.

Различные версии материализма пересекают теоретическое поле по меньшей мере с середины 2000-х гг., избирая в качестве основы для своих построений активную материю, скоплениям частиц которой приписываются свойства не только онтологические, но и политические и даже эстетические. К. Мейясу и объектно ориентированные онтологи описывали тысячелетнее развитие плоского мира без человека¹, Д. Харауэй обращалась к проблеме налаживания взаимодействий между представителями разных видов и общему истоку нас всех в биологической массе «грязи»², вдохновленные процессуальным подходом А.Н. Уайтхеда разбирали «чувства» нечеловеческих материальных образований за пределами когнитивного доступа³, К. Барад выступила с предложением использовать физику элементарных частиц как универсальное объяснение способов существования органических и неорганических комплексов с упором на знание и действие, осуществляемые материально-дискурсивными «спутанностями», включающими также технические аппараты разной степени сложности⁴, и т.д. В этом же ряду обычно рассматривают и Дж. Беннет, разрабатывающую свой вариант материализма, в котором одни и те же квазифизические принципы работают на онтологическом, экологическом, этическом и политическом уровнях. Этот вариант выглядит самым неагрессивным на фоне вышеперечисленных и интересен наиболее пристальной трактовкой экологии (Беннет занимается этой темой с середины 1980-х гг.) как особой практики и, что важно для настоящей статьи, поисками форм выражения взаимодействий с нечеловеческими «агентностями», которые всякая экология так или иначе имеет в виду.

Хотя последняя книга Беннет была опубликована в 2020 г., важно перечитать и более ранние фрагменты ее сочинений в перспективе не только содержания, но и того, что можно назвать «тональностью философии», т. е. самого способа выражения, артикуляции. На фоне «речей ненависти», отчасти замятых мультикультурализмом и интертекстуальным релятивизмом, но явно набирающих обороты сегодня, в поле навязчивого медийного «дать знать», о котором в свои последние годы много писал Ж. Деррида,

¹ См.: Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург, 2015; Delanda M. A Thousand Years of Nonlinear History. N.Y., 1997; Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018.

² Haraway D. When species meet. Minneapolis, 2007; Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь, 2020.

³ Stengers I. A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge (Mass.), 2011; Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика. Пермь, 2018.

⁴ Barad K. Meeting the universe halfway: Quantum Physics & the Entanglement of Matter & Meaning. Durham, 2007.

в сравнении с долженствованием философского письма, которое считал важным Ж.-Л. Нанси, поодаль от тактики подчинения и управления полученным в сети, проводимой явными и скрытыми сторонниками АСТ, заслуживает внимания попытка Беннет предъявить гипотетическую возможность языка выступать «непосредственной» быстрой фиксацией материального взаимодействия с окружающим пространством в виде специфической «природной» поэтики. Хотя представляется, что и вычитываемое Беннет у У. Уитмена видение нью-йоркской демократии, и почтение к материальным частицам нечеловеческого типа организации не могут перевесить необходимость действительно дружественной эгалитарной симпатии (о которой подробнее далее), даже если это одна из немногих оставшихся форм отношения, которую следует поддержать.

То, что и в какой форме пишет Беннет, вызывает двойственное отношение. Читателя Беннет не покидает ощущение, что этот проект осциллирует между двумя разноуровневыми возможностями, клонится к одной из них, но раз за разом рассудочность выбранной позиции заставляет его разворачиваться к заявленным сухим материалистическим основаниям. Этой двойственностью уже была заряжена первая работа Беннет, написанная с отсылкой к гегельянской логике одоления «крепкой веры» Просвещением ради поиска если не синтетической позиции, то хотя бы по главным параметрам холистической⁵. Эта же двойственность направляет и «Пульсирующую материю», и книгу о «токах». Поэтому, с одной стороны, беннетовская попытка нивелировать «человеческое» и ни в коем случае не рассматривать его отдельно, а только через связи со множеством компонент, от жиров, которые человек поедает, до хвойных иголок, вид которых может привлечь его на прогулке, вполне вписывается в раз за разом проговариваемые задачи новых материализмов, и Беннет здесь неоригинальна⁶. С другой стороны, проект Беннет принципиально не является воинствующим в отличие от этих материализмов: он выделяется ненавязчивостью высказываемой позиции, мягкостью формулировок и необычным рабочим материалом, когда наряду с Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Рансьером и Б. Латуром цитируются вдохновенные строки Эпикура, Парацельса и особенно часто У. Уитмена и Г. Торо. Этим последним трудно заподозрить в производстве рационалистического дискурса, но кажется, что именно их ощущение связанности с природой, особой растворенности в окружающем пространстве и движет проектом Беннет. Здесь, на мой взгляд, заключается парадоксальность задачи, которую ставит перед собой Беннет: говорить о материи со ссылками на физику материальных частиц, но говорить средствами далеко не естественнонаучного языка, а языка более чем художественного, в известной степени избыточно заряженного смыслами. На формально-содержательном уровне говорится другое: Беннет твердо и рационально указывает на исток своей (и всякой только и возможной ныне, как ей представляется) позиции как наследующей модерну, т.е. чрезмерной эксплуатации ресурсов и большим промышленным производствам, которые невозвратно отменили саму

⁵ См.: *Bennett J. Unthinking Faith and Enlightenment*. N.Y., 1987.

⁶ Вот что записывает Беннет в задачи, решению которых должна способствовать самая известная ее книга «Пульсирующая материя»: «...описать позитивную онтологию пульсирующей материи, до предела расширяющую унаследованные нами понятия агентности и действия» (См.: *Беннет Дж. Пульсирующая материя*. Пермь, 2018. Предисловие).

возможность очаровываться природой и «крепкую веру» в то, что гармоничные отношения с тем, что нас окружает, могут еще рассматриваться как некогда достижимая цель⁷. Соответственно, следует руководствоваться не идеей дома (хотя желание «быть дома» в мире и рассматривается как фундаментальное, причем настолько, что оно направляет как тех, кто хотел бы выжать из мира все его ресурсы, так и тех, кто хотел бы «подстраиваться» под окружающие условия), но идеей ниши, которую в этом не совсем расположенном к нам окружающем пространстве мы можем попробовать занимать. А это уже формулировка, претендующая на экологичность. Но экология функционирует здесь не как знание (Беннет вообще не использует этот термин в отличие от той же К. Барад, например), а как практика, как этика: своеобразная практика повторов, которая осуществляется в пространстве между увлеченностью миром и преследующей необходимостью рефлексии и оценки окружающих условий. Что производит эта практика – отдельный вопрос.

Таким образом, конгломерат утверждений, которые делаются Беннет, если и движется в сторону некой формы, то форма эта не полемическая и, пожалуй, не стремящаяся к господству. Она скорее колеблющаяся. На уровне заявлений колеблющаяся между разными возможностями, зависающая, высказывающаяся непрямо, как будто в среднем залоге; на уровне своего складывания использующая возможности очень разных языков, в том числе художественного, в частности поэтического, что намечает, на мой взгляд, путь к складыванию языка не то чтобы более близкого к вещам в духе знаменитого гуссерлевского лозунга «Назад к вещам!», но более близкого к элементному уровню, в котором и мы, и вещи могут найти выражение.

Однако, чтобы пояснить, как это может работать вне парадигм «языка как дома бытия» или протокольных предложений, придется прежде детальнее изложить некоторые идеи Беннет.

Космическая симпатия

Как уже было отмечено выше, приверженность материалистическим позициям заставляет Беннет не только переписывать воззрения разных авторов в соответствующем ключе, но и разворачивать используемые понятия также на материалистический манер. Так, идеи Дьюи или Дарвина используются с переутверждением роли нечеловеческого и неорганического как «действующих агентов» окружающей среды, от которых человек не столько зависит, сколько находится в сети связей (reciprocity); метафора нарушения Рансьера, которую он применяет к описанию действия, приобретающего все больше черт именно действия в области языка прежде всего («нарушение» работает фактически как «прерывание» и затем «несогласие»), когда неравенство означает в первую очередь невозможность говорить, Беннет предлагает рассматривать «как будто» (like) это природные силы. Далее, «дом», как мы уже видели, конвертируется в «нишу» (пребывание в которой, можно

⁷ «Земля достаточно гостеприимна для систем восприятия и функционирования тела в сравнении с энвайронменталистскими условиями Марса или Солнца. Но не нужно считать это обстоятельство доказательством предрасположенности (к человеку) или возможности ассимиляции иного» (Bennett J. *Unthinking Faith and Enlightenment*. P. 288).

сказать, функционально, так как объясняется прежде всего задачей выживания, а «родство» задается лишь эволюционной историей или общей потребностью в пище), «встреча» – не столько в редкое событие между людьми, сколько в повседневное соприкосновение ступней с пульсирующей поверхностью Земли («ведь и земля – игрок, который притягивает ногу и вызывает “сотню привязанностей”, «цель нашего тела – не падать на самом деле, а всегда почти падать»⁸).

Соответственно, субъектностью этой теории или ее действующим лицом выступает не столько некоторая «агентность» (как после выхода множества книг Б. Латура и его прямых последователей уже принято теперь именовать такие «не-только-человеческие»⁹ структуры действия, использует этот термин и Беннет), сколько – и это некоторая новация Беннет – *earthling*: с одной стороны, нечто невыделенное среди всех существ этой планеты, «материальность плоти, состоящей, среди прочего, из железа, кальция, диоксида кремния, микроэлементов», с другой стороны, все же не только механическое именование стохастически сложившейся случайной сцепки материальных частиц, но нечто пусть даже в старинном смысле очаровательное.

Как земное существо, человек иногда резонирует с чем-то в окружающем пространстве. Этот резонанс Беннет, конечно, характеризует в духе вдохновенных элементарной физикой описаний как случайный, стохастический, лишь с небольшой степенью вероятности к чему-то ведущий: что-то может задеть нас исподволь, на едва воспринимаемом некогнитивном уровне; если это что-то повторится несколько раз, то может перейти во «флуктуацию», а «флуктуация» может сделаться «вектором» и разветвиться, вызывая «огромный эффект через цепочку реакций». Но может и не появиться никакого эффекта вовсе, никакого результата¹⁰. Но нас здесь интересует не столько механизм образования этого резонанса, сколько его «космический» характер. Это хорошо видно на примере симпатии.

С одной стороны, симпатия, безусловно, термин этического языка, и Беннет так его тоже использует, разворачивая, правда, и в область политического, со своеобразными коннотациями. Именно симпатия выступает вектором, трансфером первоначальных аффективных состояний в более устойчивое поведение. Спонтанно возникающие у нас реакции благоговейного трепета и удивления бесконтрольны и сиюминутны, достаточно редко проявляются и, что может быть наиболее важно, слишком непредсказуемы, чтобы поддерживать этическое действие. Но благодаря симпатии эти состояния могут переходить в более устойчивый *sonatus*, который будет отзываться (еще одно интересное терминологическое замещение: не столько ответственность, сколько отзывчивость) в том числе и на проблемы других. Это ни больше ни меньше как основание демократии как одинакового внимания ко всем и всему, способность выслушать.

С другой стороны, и в контексте настоящей статьи это наиболее интересный аспект, симпатия в этой материалистической интерпретации подается

⁸ *Bennett J. Influx and efflux: Writing up with Walt Whitman. Durham, 2020. P. 22.*

⁹ Термин Дж. Беннет.

¹⁰ Ср. также: «Фазы перекрываются, повторяются с небольшими различиями, возникают вне очереди и образуют петли обратной связи, которые можно найти, пытаясь определить последовательность причин и следствий» (*Ibid.* P. 84).

как аперсональная, как некоторая не просто природная, но космическая сила. Ссылаясь на историка С. Лобиса, Беннет пишет о том, что, хотя со времен А. Смита симпатия понималась как «моральный, социальный и психологический опыт» индивидов, она всегда сохраняла существенную связь с восприятием природы и традициями магии¹¹. Тогда симпатия одновременно является и внешним давлением на «Я», и человеческим поведением или способом реагирования поверх этих воздействующих «потоков». Приток и-отток как процесс уже протекают сочувственно, поскольку «Я», разделяя эту космическую тенденцию, увеличивает ее объем и может внести изменение. Это некое симпатическое единство очень чувствительно: многое воспринимает, чувствует едва уловимые изменения в атмосфере, «содержит множества, хотя не включает и не может включать в себя все».

Интересно, что в рассуждение о такой «гравитационной симпатии», т.е. симпатии как фактически природной или даже планетарно-космической силе, Беннет включает фразу Уитмена из «*By Blue Ontario's Shore*» о том, что «гордыня души безмерна, и она не признает никаких уроков, кроме как извлеченных из собственных ошибок. Но в душе есть и симпатия, столь же безмерная, как и гордость». Чем больше мы находим у Беннет примеров описания симпатии как чего-то подобного электрическому заряду, который (наконец) направляет токи аффектов в единое русло действия, методом проб и ошибок позволяя разрабатывать методы, которыми сопротивляются, фильтруют или отклоняют воспринимаемое, тем более странным выглядит вывод, к которому Беннет приходит в результате длинного рассуждения. Казалось бы, логически безмерность недвусмысленно указывает на превышение границ или приближение к пределу, но для Беннет гораздо важнее едва заметное возмущение, едва осязаемое волнение (*surge*), указывающее на легкое изменение течения фазы. Конечно, именно это соотносится с задачей Беннет по разработке такой модели действия, эффективность которого не измерялась бы исключительно в терминах прямой драматической (ре)акции¹². Ведь, с точки зрения Беннет, не менее, а явно даже более важно деликатное побуждение, способность просто кивнуть иголке хвойного дерева, как Торо, или раствориться в августовском дне, как Уайтхэд. Их поры были открыты для того, чтобы «впустить как можно больше внешнего», и нам следовало бы практиковаться в этом. Но в результате вырисовывается, что как будто и хорошо учиться «открывать поры», и в тенденции это видится как бесконечный процесс то ли «безмерной» симпатии, то ли тяги к иному, но каждый раз каким-то образом включается рефлексия, которая тормозит эти аффективные токи, и это закрытие шлюзов буквально прослеживается по тексту и заставляет признать, что только оставшиеся от токов слабые возмущения еще свидетельствуют о нашем контакте с миром.

Солярность, как и симпатия, двусмысленна и указывает на специфический беннетовский колеблющийся космизм. В том же сочинении Уитмена «*By Blue Ontario's Shore*» Беннет находит следующее руководство к действию (для поэта, правда, но об этом далее): учиться судить «не как судит судья, но как солнце, падающее на беспомощное существо». То есть, делает

¹¹ Bennett J. Influx and efflux. P. 29.

¹² Беннет представляет, что наиболее радикальные части общества часто ложно полагают, что наиболее политически заряжены действия, которые прямо оппозиционны, драматичны, взрывчаты.

скромный вывод Беннет, поэту «нужно сделаться солнцем – большое дело для маленького земного существа» (здесь уже просто *terrestrial being*, не *earthling*), прийти в «источающее состояние – с раскинутыми руками, открытыми ладонями, и это может также указывать на приятие вещей, как Природа приемлет поэта абсолютно». Делаться солнцем (*to go solar*) – вызывать из плоти момент стихийной общности, инаковости, свободной от «постыдных различий», восприимчивости ко всему. Выходить как солнечный свет означало бы пережить момент чистой беспристрастности, признавать присутствие, не оценивая его, слышать свидетельства людей, мест и вещей, никому не отдавая предпочтения.

Эта восприимчивость ко всему меняет статус суждения (по-своему снижая его): как будто уже достаточно не быть солнцем, а судить как солнце. Судить так, как светит солнце – значит зависать в интервале между притоком и оттоком, *influx* и *efflux*, между быстрой заметкой и вынесением суждения, между впечатлением и выражением. Судить как светящее солнце – значит «действовать с полной невозмутимостью, “наблюдать и ждать”».

Чего ждать? Ничего, просто перейти в состояние подвешенности, фактически сдерживая движение в любую сторону: не вынося суждения, не возмущаясь социальной несправедливостью, внимая всему вокруг, но замирая на грани действия. Именно это видится как та этическая позиция, к которой нужно стремиться. Кроме того, именно в таких описаниях Беннет вводит понятие интервала. Некоторые притоки поддаются телесным реакциям, которые принимают форму отдельных идей, слов, образов, эмоций или настроений. Но многие другие восприятия приходят как диафанное, как прозрачные влияния. Длительное приостановление действия нормативных категорий и дискриминационного восприятия несовместимо с социальным порядком, справедливостью и здравомыслием. Но описанная выше специфическая солярность, которая фактически предстает как момент приостановки суждения в состоянии внимания ко всему, не только остается залогом действительной эгалитарности, но и «открывает больше времени для появления новых голосов, претензий или прав, которые еще не вошли в сферу восприятия рассудительного солярного суждения мужчины или женщины», а также уменьшает за счет некоторой беспечности дискомфорт столкновения.

Получается так, что безмерность, которую вычитывает Беннет у Уитмена, подводит ее не к безмерному напряжению сил, которое запускает трансформацию, а к широте потока, и если ощущать свою к нему принадлежность, то ее и можно прочувствовать через легкое колебание в ответ на возмущение этого потока. Здесь нет движения, колебание никуда не ведет, это тоже важно, и Беннет как будто отдает себе в этом отчет. Но эту принадлежность, как ей представляется, можно выразить через слова языка не романтической увлеченности природой, но демократической эгалитарности со всем без разбора и предпочтений (в идеале, так как Беннет выражает согласие с некоторыми авторами, утверждающими, что можно быть «лучше и хуже аффицированными»¹³).

¹³ Ср.: «Д. Квик замечает, что есть “лучшие и худшие способы быть аффицированными”, обогащающие и разрушительные формы влияния <...> Зачастую мы не знаем заранее, какой способ аффицирования причинит вред. Но именно эта ориентированность на последствия принуждает к большей, а не меньшей восприимчивости среды (*milieu*), чтобы можно было определить, откуда идет опасность, и применять разные типы фильтров» (*Bennett J. Influx and efflux. P. 88*).

Тонкая эффективность языка

Рассматривая работы Беннет прежде всего через их выразительные и риторические средства – смещения между природным, материальным и даже космическим, между ощущениями и токами воздуха, между отрицательными пантеистическими влияниями¹⁴ и пропагандируемыми преимуществами непредсказуемости материи, – мы видим то, что обретает все большую ценность. В солярной восприимчивости, в рискованно безграничной симпатии все более привлекательным становится не столько взаимодействие, триггерами или условиями которого эти состояния могут выступить, и даже не процессуальность космической причастности материи, не движение вместе с ней, но интервал, «зависание». Мы уже видели беспристрастность и невозмутимость (настоящего демократа), но Беннет находит еще много терминологических способов указать на это состояние: «сбалансированная неподвижность», «тонкая эффективность», «небыстрые, косвенные, деликатные, устойчивые, часто более поэтические, чем полемические» намеки. «Понятия ультратонкого, виртуального, неопределимого (апехаст), атмосферного также полезны». К такому лексикону, по мнению Беннет, можно добавить и понятие «просачивание» (seep) С. Ментца: вещи проникают друг в друга, но не сливаются. К тому времени, как вы замечаете какое-либо движение, оно просачивается через одну вещь к другой, дюйм за дюймом. А также «проникновение» Д. Миллера, слово, которое он заимствует из одной традиции в даосизме: в переводе с китайского проникновение – это движение вперед, поскольку «туннель “пронизывает” холм, соединяя одну сторону с другой».

Помимо отдельных терминов Беннет обращает внимание и на модальность высказывания, склонение, залог. В английском языке отсутствует обозначение действий, предпринятых в рамках области деятельности, а не решения субъектов, так как обычно субъекты появляются либо для того, чтобы что-то сделать (активный залог), либо для того, чтобы на них действовали (пассивный залог). Ссылаясь на лингвиста Э. Бенвениста, Беннет напоминает, что доминирование двух залогов (активного и пассивного) было относительно поздним развитием индоевропейской глагольной формы. Это трансформировало более старый лингвистический порядок, в результате чего средний залог неправильно предстает теперь как модальность, которая находится на полпути между активными и подчиненными вербальными формами. Более точно, утверждал Бенвенист, понимать средний залог как фактор эффективности. Тогда мышление представало бы как «деятельность, которая говорит в своей собственной сфере и возвращается к себе самой до того, как субъект берет на себя ответственность за нее. Мышление в этом случае было бы деятельностью, которая осуществляет себя из своих собственных процессов». Переводя Бенвениста на язык своих примеров, Беннет отмечает, что деятельность, выражаемая в среднем залоге, побуждается

¹⁴ См. одно из характерных пояснений: «Верно, что Торо часто представляет “естественные влияния” как знаки божественного провидения <...> Но также примечательно, что бывают моменты, когда Торо, похоже, не интересуется вопросом цели или божественного замысла и довольствуется просто одобрением естественных влияний или наслаждается ощущениями, которые они вызывают, или признает, что они влияют на него слишком тонко, чтобы анализировать» (Bennett J. Influx and efflux. P. 98).

и поддерживается колоссальными эфирными влияниями (Г. Торо), «вибрирующими струнами» (Р. Кайуа) или «гравитационной симпатией» (У. Уитмен). Хотя грамматика ограничивает выражение того, что вообще можно ощутить, вовлеченность в безличный процесс предшествует и информирует о любых личных начинаниях: мы являемся «участниками» в среднем залоге в большей степени, чем акторами или получателями. Это не то intersubъективное признание, которого добивался, по мнению Беннет, Гегель, когда два человеческих индивида осознают себя в процессе признания «самих себя как взаимно признающих», поскольку другое существо, как и оно само, является чем-то большим, чем объект в его способности размышлять о своем существовании. Вместо этого следовало бы говорить о признании, объединяющем виды, которое свидетельствует не об универсальности, но о субъективном сродстве между резонансными материалами. Это «узнавание» больше похоже на гелиофилию, чем на межчеловеческое узнавание, инициированное и осуществляемое на психологическом уровне.

Как именно работает такая восприимчивость, проявляясь через артикуляцию в среднем залоге? Вот одно из конкретных описаний, которое предлагает Беннет: «Я чувствую произвольное побуждение вверх, когда повторяю движение дерева вверх, моя наклоненная голова выравнивается с искривленным стремлением растения. Это происходит, когда моя поза – две твердо поставленные ноги – резонирует с твердой почвой, на которой я стою. Мое тело включает в себя растительную, каменистую, минеральную и другие составляющие. Это “солидарность не идентичностей”, а телесных форм, солидарность, которая игнорирует границу “между человеческим и нечеловеческим”».

Правда, сама же Беннет говорит о том, что не нужно воспринимать это прямо: между человеком и хвойными иглами теперь проявляется, возможно, функция не столько Божественного замысла, сколько какого-то другого «совпадения», лишь некий «резонанс материалов», и ранее уже шла речь о таких стохастических резонансах; но теперь лучше видно, что они не столько открывают наши поры космическим воздействием, сколько говорят об изоморфизме, оставляя границы между отдельными, пусть и сходно устроенными, «агентностями» нетронутыми. Кроме того, наконец добавляется интересующая нас функция: описывая эксперименты Торо по «впитыванию внешних влияний до состояния опьянения», Беннет регистрирует, как он все менее связывается моральными идеалами и социальными нормами или даже человеческим выживанием, сдвигаясь в балансе способностей от когнитивного суждения к беспристрастной невозмутимости, и «превращает впечатления в поэтическое выражение: он записывает их»¹⁵. Что значит записывает? Как такая запись возможна и чем она полезна, примечательна?

Как столетиями ранее Парацельс, Торо проводит тонкую грань между, с одной стороны, утверждением дописьменного существования природных влияний и, с другой стороны, использованием слов, чтобы вызвать соответствующие состояния в воображении. Вызывать, призывать – глаголы, которые предполагают общий и распределенный вид деятельности и говорят в среднем залоге. Также и уитменовский соляренный поэт не субъект действия, который придает форму внутреннему объекту; скорее, предполагается, что слова расставляются так, чтобы отметить сотрудничество

¹⁵ См.: *Bennett J. Influx and efflux*. P. 94.

многих формирующих усилий различных видов вибрирующей материи. Он и сам писал так, чтобы у фраз не было предпочтений друг перед другом: все движется параллельно, ничего не продвигается¹⁶. Здесь поэзия не лингвистическое выражение идей и чувств автора, а набор слов, который «задерживает приземление». То есть художественное выражение фактически связывается с интервалом. Каждая фаза, пишет Беннет, подобно камешку, брошенному в пруд, создает волны, которые сохраняются после их распределения и просачиваются обратно в прошлое. А это значит, что идеального способа рассказать историю процесса не существует. Если вы начнете свой рассказ о поэзии, например, с притока, подчеркивая импульс внешних влияний, поскольку они продвигают начинающего поэта, вы посмотрите, что особенного в творчестве поэта. Если вместо этого вы начнете с похвалы сильного стихотворения, подчеркивая его инновационный поворот или волнение, вы преуменьшите вклад внешних влияний (в том числе «слабой» поэзии). Следовательно, художественное выражение стремится продлить интервал, конструируя как бы собственное время зависания, не-движения.

Вот с чем мы остаемся: ощущая симпатию как нечто космическое, мы признаем представителей других видов, «не-только-человеческих», на уровне телесных форм, мы субъективно (потому что универсальные правила не действуют) резонируем с ними одними и теми же материалами, из которых составлены и мы, и они. Поэтому Беннет утверждает, что кивок Торо дереву не вызван атмосферой дня, а основан на том факте, что кивок уже является одной из потенциальных поз конфигурации «плоти, крови и костей», которой является Торо. Кивок принадлежит Торо, даже если он не является результатом его волевого действия; кивок принадлежит атмосфере, даже если он активизирует позу растения, уже входящую в соматический репертуар Торо. Раскинувший руки восприимчивый солярный поэт Уитмена – это не витрувианский человек и даже не конъюнктурно гендеризированная его форма на обложке сборника Р. Брайдотти¹⁷, это компонент природного мира, вписанный в него на уровне телесных реакций.

Но мы никуда не движемся: этот природный солярный компонент завис, он интервализирован, «приземление задержано». Странно, но именно этот интервал ценен с точки зрения Беннет. Задача «открыть поры», услышать голоса, тонкие и иные, войти с ними в резонанс прекрасна, но что дальше? Беннет неизменно задраивает шлюзы: только мы видим вздымание пафоса в именовании *earthling*, как Беннет сознательно опускается до уравнивания его с другими «компонентами» как «всего лишь» сцепленности частиц; только мы настраиваемся на производительность активной непредсказуемой некой материи, как Беннет переходит к очередному безразличному «фрактальному» описанию, в котором даже гипотетическое возникновение смысла, если он вообще возможен, может произойти в рамках законов физики элементарных частиц; только намечается путь к взаимодействию, как Беннет фантастическим для нового материалиста способом объявляет, что

¹⁶ Беннет вспоминает в связи с этим, что Т. Адорно писал о музыке Д. Кейджа: «...a succession in time that denies its own progressivity» (*Bennett J. Influx and efflux*. P. 110).

¹⁷ См. обложку книги: *Braidotti R. The Posthuman*. Cambridge; Malden (MA), 2013, на которой размещено генерированное компьютерной программой изображение женской фигуры с раскинутыми руками и квазиазиатским лицом; тогда как у недавно опубликованного перевода на русский язык обложка предельно абстрактна, ср.: *Брайдотти Р. Постчеловек*. М., 2021.

ее *conatus* не позволит полностью сделать мир горизонтальным («horizontalize»), что неизбежна идентификация с другими представителями человеческого вида, «поскольку их тела в наибольшей степени похожи» на ее собственное, а так как ее требования «обусловлены конативной заботой о выживании и благополучии человека», то полного равенства всех действующих лиц нельзя достичь, хотя и нужно стремиться, по крайней мере, к политике с большим количеством каналов для коммуникации между участниками.

И только? Для чего тогда потребовались все эти переинтерпретации и переписывания в пользу нечеловеческой публики, дома, перестроенного в нишу, встречи, увиденной как столкновение частиц, космоса, заменяемого экологией, трансформации и дефазирования как результата влияния безмерного¹⁸, превращенных в широту и «открытые поры» (легко закрывающиеся, правда, как мы видели выше, чтобы никаких изменений не произошло, ибо изменения нарушили бы «зависание» и сделали бы границы между телами и сущностями проникаемыми)? Означают ли эти переинтерпретации такую работу с языком, которая смещает формулирование теории в область складывания литературы, не литературы как материала для развития теории, а литературы как формы теории – тенденция, которая явно прослеживается во все большей степени от работы к работе у таких авторитетных современных авторов, как, например, Ю. Такер?¹⁹

Пожалуй, лишь в какой-то степени, так как Беннет фактически сворачивает поэтическую форму, так долго связывавшуюся с приращением смысла, с ритмическим нарастанием, объявляя, что начало поэзии – интервал, т.е. снова зависание, торможение. Редко используя древнюю традицию (ведь атомисты слишком упрощали, объясняя разнообразие мира отклонением, *klinamen*), Беннет неожиданно несколько раз обращается к фигуре Зевса. Конечно, с раздражением, ибо он является примером того, как легко пропустить множества важных для ее проекта легких возмущений, не заметив их в ослеплении метанием молний прямого драматического действия. Хотя он и действуют, но, получается, вне связи с тем, что его окружает. Поэтому именно неподобную Зевсу индивидуальность Беннет склонна называть космической, т.е. рецептивной ко всему, отзывчивой. Но несuverенной, это Беннет признает.

Обратимся, однако, еще раз к понятию интервала: интервал, как бы короткий ни был – это момент «чистой потенциальности»: прошлое мгновенно отменено, подвешено, а будущее еще не началось, и все трепещет в хрупком балансе. То есть мы можем понять Беннет так, что она занимается переписываниями и переинтерпретациями не столько для того, чтобы наметить некую новую парадигму – ее еще нет, как мы видели – сколько для того, чтобы произвести смесь, которая содержит в себе все, пусть в разной форме, полуснятой и т.д., но наполненной разными компонентами. Иными словами, работает над элементной базой, у которой даже нет никакого имени лучше, чем «интервал».

¹⁸ См. о понятии безмерного как средоточия сопротивления гегельянской логике у А. Негри: *Сосна Н.Н.* Непомерный «космизм». Действие по Антонио Негри // *История философии / History of Philosophy*. 2019. Т. 24. № 2. С. 104–113.

¹⁹ См. его последние работы в: *Thacker E., Galloway A., Wark Mc.* Excommunication. Three Inquiries in Media and mediation. Chicago; L., 2014 и трехтомный проект: *Takep Ю.* В пыли этой планеты. Пермь, 2017.

С сожалением приходится видеть, как заявленная переинтерпретация материи, одним из компонентов которой было намерение рассматривать и язык, в «реальном времени», т.е. с минимальным отставанием от ощущений симпатической причастности к происходящему вокруг, записывающим эти ощущения в художественной форме через особые сочетания слов, приводит все-таки к символизации материи. Уровень «частиц» отставлен, заземления нет, парит интервал. Пример Беннет показывает, как трудно при внимании к языку, который производится агентностью с довольно-таки замкнутыми контурами при всем декларируемом «открытии пор», сохранить его связь с разворачиванием космогонии. Подчеркивая неромантичность своего письма и статус агентности как лишь именованья²⁰, Беннет остается с «зависанием» и «приостановкой». Может быть, это было бы и неплохо в условиях, когда слов и их «спутанностей» слишком много и их потоки загромождают собой не только события – их вообще почти не разглядеть, – но и «информацию». Но в таких условиях важна не только констатация «приостановки», но и дальнейшая работа с тем, что идет: не только интервал, но и космос, который может из него развернуться.

Список литературы

- Беннет Дж. Пульсирующая материя / Пер. с англ. А. Саркисьянца. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
- Брайдопти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
- Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / Пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 164 с.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой; под ред. П. Хановой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Сосна Н.Н. Непомерный «космизм». Действие по Антонио Негри // История философии / History of Philosophy. 2019. Т. 24. № 2. С. 104–113.
- Такер Ю. В пыли этой планеты / Пер. с англ. А. Иванова. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 184 с.
- Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене / Пер. с англ. Д. Хамис, П. Хановой и А. Писарева. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
- Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / Пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 210 с.
- Barad K. Meeting the universe halfway: Quantum Physics & the Entanglement of Matter & Meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 542 p.
- Braidotti R. The Posthuman. Cambridge; Malden (MA): Polity Press, 2013. 229 p.
- Bennett J. Unthinking Faith and Enlightenment: Nature and Politics in a Post-Hegelian Era. N.Y.: New York University Press, 1987. 192 p.
- Bennett J. Influx and efflux: Writing up with Walt Whitman. Durham: Duke University Press, 2020. 224 p.
- Delanda M. A Thousand Years of Nonlinear History. N.Y.: Zone Books, 1997. 333 p.
- Haraway D. When species meet. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2007. 440 p.
- Stengers I. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2011. 554 p.
- Thacker E., Galloway A., Wark Mc. Excommunication. Three Inquiries in Media and mediation. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2014. 217 p.

²⁰ Показательно, что в предисловии к «Пульсирующей материи» Беннет, сознательно или нет, акцентирует именно момент именованья, называнья, которое превалирует фактически над самой «структурой действия» в «агентности».

The poetics of gentle cosmism

Nina N. Sosna

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: philosjournal@iphras.ru

The article analyzes an issue in Jane Bennett's vital materialism project, namely, a specific conjunction of ideas about active matter that produces various combinations of beings, including humans, and the possibility of this matter to articulate itself in language, including poetic forms. After a brief, but necessary discussion of some essential aspects of Bennett's theory such as ontology based on postulates of elementary particles physics (particle collisions, resonance, isomorphism), affective ethics (partial actions based on the "positive" repetition of random impressions) and ecology ("courteous" attention to representatives of other species), the author suggests to strengthen the fluctuating nature of Bennett's project and explore its extremes: the cosmic level of theorizing where even sympathy appears as a "gravitational" force and the level of linguistic articulation where various forms of indirect utterance, the "middle voice", are involved. Despite the fact that between these two levels one can observe a certain isomorphism of a "weak" "non-dramatism", the author concludes that the "physicality" of solarly and sympathy viewed as cosmic manifestations are not equal in weight to their own expression in poetic language in the spirit of Whitman or Thoreau (as exemplified in many by Bennett's books). Therefore, these two components do not remain in the state of balance, even though Bennett repeatedly tries to use the concept of an interval, which is responsible for the discontinuation of the narratives of both types. In other words, the project shifts from a study of materiality towards its non-romantic "naming" only.

Keywords: agency, articulation, Bennett, cosmic, ecology, interval, nature, not-only-human, romantic, solar

For citation: Sosna, N.N. "Poetika tikhogo kosmizma" [The poetics of gentle cosmism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 70–83. (In Russian)

References

- Barad, K. *Meeting the universe halfway: Quantum Physics & the Entanglement of Matter & Meaning*. Durham: Duke University Press, 2007. 542 pp.
- Bennett, J. *Influx and efflux: Writing up with Walt Whitman*. Durham: Duke University Press, 2020. 224 pp.
- Bennett, J. *Unthinking Faith and Enlightenment: Nature and Politics in a Post-Hegelian Era*. New York: New York University Press, 1987. 192 pp.
- Bennett, J. *Pul'siruyushchaya materiya* [Vibrant matter], trans. by A. Sarkisianz. Perm: Hyle Press, 2018. 220 pp. (In Russian)
- Braidotti, R. *The Posthuman*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2013. 229 pp.
- Braidotti, R. *Postchelovek* [The Posthuman], trans. by D. Khamis, ed. V. Danilov. M.: Institut Gaidara Publ., 2021. 408 pp. (In Russian)
- Delanda, M. *A Thousand Years of Nonlinear History*. New York: Zone Books, 1997. 333 pp.
- Delanda, M. *Novaya filosofiya obshchestva. Teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [A new philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity], trans. by K. Mayorova. Perm: Hyle Press, 2018. 164 pp. (In Russian)
- Haraway, D. *Ostavayas' so smutoi. Zavodit' sorodichei v Khtulutsene* [Staying with the trouble: Making kin in the Chtulucene], trans. by D. Khamis, P. Khanova and A. Pisarev. Perm: Hyle Press, 2020. 340 pp. (In Russian)
- Haraway, D. *When species meet*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2007. 440 pp.

- Meillassoux, Q. *Posle konechnosti. Esse o neobkhdimosti kontingentnosti* [After finitude: An Essay on the Necessity of Contingency], trans. by L. Medvedeva and P. Khanova. Ekaterinburg: Cabinet Scientist, 2015. 196 pp. (In Russian)
- Shaviro, S. *Vne kriteriev: Kant, Uaitkhed, Delez i estetika* [Without criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and aesthetics], trans. by O. Myshkin. Perm: Hyle Press, 2018. 210 pp. (In Russian)
- Sosna, N.N. “Nepomernyi ‘kosmizm’. Deistvie po Antonio Negri” [Unmeasurable cosmism. Acting according to Antonio Negri], *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2019, Vol. 24, No. 2, pp. 104–113. (In Russian)
- Stengers, I. *Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011. 554 pp.
- Thacker, E. *V pyli etoi planety* [In the dust of this planet], trans. by A. Ivanov. Perm: Hyle Press, 2017. 184 pp. (In Russian)
- Thacker, E., Galloway, A. & Wark, Mc. *Excommunication. Three Inquiries in Media and meditation*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2014. 217 pp.